

Возможности межконфессионального взаимодействия в условиях экономического транзита государства

Соколовский Константин Геннадьевич

Центр независимых исследований, эксперт, кандидат юридических наук, Казахстан

Аннотация. Кризисные явления в мировой политике и экономике существенно отражаются на социально-политической ситуации постсоветских стран. В этот период обостряются внутренние конфликты, наиболее сложные из которых для разрешения – межконфессиональные. В статье рассмотрены особенности взаимодействия конфессий, а также потенциальные «точки притяжения», которые могут стать основой для межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: межконфессиональное взаимодействие, экономический транзит, межрелигиозная коммуникация, диалог, социокультурное пространство.

Введение

Значительные изменения, происходящие в настоящее время как на глобальных рынках, так и в мировой политической архитектуре прямо отражаются на социально-экономическом развитии государств. Снижается уровень ВВП, падает покупательная способность национальной валюты, отмечается ощутимый рост цен, при сохраняющемся уровне запросов населения резко снижается возможность их удовлетворения. Кризисные явления неизбежно проецируются на социальное поведение, нередко определяя его, сообщая деструктивный потенциал и порождая конфликтность, протекающую, как правило, между несколькими взаимодействующими группами.

Цель настоящей работы – выявить основы для выстраивания межконфессионального диалога в условиях высокого уровня социальной напряженности в обществе.

Объектом исследования выступили межрелигиозные отношения в поликонфессиональном государстве, состояние которых определяет успешность взаимодействия между различными конфессиями.

Результаты исследования

Известный социолог В.В. Петухов (ИС РАН) указывает, что «наслаивание старых, нерешенных проблем, на проблемы, порожденные самим кризисом, в обозримой перспективе, безусловно, будет порождать недовольство. Среднее и старшее поколение устало от бесконечной борьбы за выживание. А молодежь, напротив, не имеет навыков кризисной адаптации. Но и те, и другие тратят массу жизненной энергии на поддержание более или менее сносных жизненных условий для себя и своих семей, часто просто не зная, каким образом конвертировать знания, опыт, навыки, приверженность мо-

ральным ценностям в материальный достаток и карьерный рост» [1, с. 47]. Согласимся с выводом о том, что усиление кризисных явлений приводит к росту негативных настроений.

Современные процессы глобализации становятся локомотивом унификации социального пространства, также актуализируя проблему взаимодействия конфессий, поскольку один из наиболее вероятных путей канализации – это конфликт на межрелигиозной основе. При этом характерно мнение З.В. Силаевой (Казанский федеральный университет) в том, что «религиозность – это не причина религиозного конфликта и не сфера его проявления. Само существование религиозных различий между группами не является причиной конфликта. Реалистичные причины конфликта могут варьироваться от случая к случаю» [2, с. 233].

Взаимодействие вообще – в известном смысле строго регламентированная сфера человеческих отношений. Так, взаимодействия в экономике и политике носят, как правило, правовой (договорной) характер, а также изначально предусматриваются механизмы разрешения проблемных ситуаций, чем обеспечивается снижение уровня потенциальной конфликтности. В то же время те, сферы жизнедеятельности социума, которые определяются нематериальными категориями (вера, традиции, привычный образ жизни, укоренившиеся модели поведения и т.д.), с трудом поддаются нормативному регулированию. Основная причина кроется в том, что, несмотря на наличие законодательной базы в данной сфере, конфликтные ситуации разрешаются преимущественно путём взаимодействия сторон и посредством достигаемых договорённостей между ними. Типичным примером такого рода конфликта является межрелигиозный конфликт.

Участники описываемого взаимодействия – это социальные группы, члены которых объединены верой, сформулированным вероучением, а также обрядовой деятельностью. Для них характерны единство мировоззренческих позиций, определяемого нравственными категориями божественного первоисточника, восприятия окружающего мира, фарватеров социального поведения и его оценок, высокий уровень мистицизма, определённости и отнесенности категоричности градации в системе координат «свой-чужой».

Отметим при этом, что, как правило, адепты новых религиозных движений крайне категоричны в своих оценках, нередко делающих диалог невозможным.

Ключевая проблема в разрешении межконфессионального конфликта с их участием как раз заключается в том, что сектанты мыслят в пространстве заданной системы ориентиров, выход за рамки которых воспринимается как вероотступничество. В свою очередь не вызывает сомнения, что межрелигиозный диалог могут вести лишь ответственные (как правило, традиционные) конфессии, поскольку способность к нему – признак уверенности в своих ценностях и смыслах, пастве, открытости к инаковости, смелости к духовным вызовам и отсутствие боязни конкуренции, способности думать и

осмысливать происходящее. Думается, что именно эти параметры характеризуют уровень конфессиональной культуры.

Априори возможность межконфессионального диалога есть всегда. И можно выделить, как представляется, две формы его протекания.

Первая из них базируется на осознании сторонами исключительной важности взаимодействия между различными религиями. Она строится на основе серьёзного опыта сосуществования конфессий, а также, возможно, следствий конфликтов, имевших место в прошлом. Накопленная десятилетиями эмпирия поведенческих стандартов, компромиссов, ценностей, социальных шаблонов, исторических прецедентов и др. обеспечивает трезвое восприятие той или иной ситуации и самостоятельное стремление сторон к их разрешению, способности саморегуляции межрелигиозного диалога и умению ретушировать девиации. Здесь фактически процессом управляет внешняя норма, подвигающая руководителей религиозных объединений к взаимодействию за счёт аналектов межконфессиональной культуры.

Вторая форма основана на регулятивной функции государства, которое склоняет участников состоявшегося либо потенциального межконфессионального конфликта к взаимодействию. Уполномоченные органы вынуждены вмешиваться, когда сложившиеся отношения между деноминациями не могут выполнить роль фундамента выстраивания диалога, а нормы конструктивного социального поведения не воспринимаются сторонами в качестве императива. И чем ниже влияние на участников конфликта ценностно-нормативной регуляции, тем в большей степени требуется вмешательство государства.

Эта мысль находит подтверждение у Е. В. Романовой (Алтайский госуниверситет), которая полагает, что «построение модели двусторонней симметричной коммуникации в форме диалога, когда каждый из компонентов – общество, религиозные организации и власть – вовлечены в процесс взаимодействия, позволит избежать коммуникативных рисков и обеспечить стабильную и предсказуемую систему взаимодействий» [3, с. 304].

Впрочем, в обоих случаях необходимы, прежде всего, уважительное отношение к представителям иной веры и желание прийти к разрешению возникших противоречий. Это выступает залогом формирования полирелигиозной целостности многонационального народа, чувствующего себя единым вне зависимости от тех или иных духовных и культурных различий.

Согласно результатам исследований А. В. Громовой (Волгоградский госуниверситет), проблема межконфессиональной коммуникации заключается в том, что при «налаженном взаимодействии «наверху» – духовные лидеры участвуют в заседаниях межрелигиозного совета, совместно организуют различные форумы и конференции и т.п. В то время как межконфессиональное взаимодействие «внизу» практически отсутствует, а именно в регионах, на местах без участия власти, формализма и подтекстов оно актуально и востребовано обществом» [4, с. 116].

При выстраивании межконфессионального диалога, который в сложившейся обстановке экономического кризиса является условием стабильности государства и выживания общества, необходима некая общая основа, имеющая безусловную значимость, хотя бы фундаментального характера, признаваемая всеми сторонами. Не вызывает сомнения, что её роль могут выполнить общечеловеческие ценности, исповедуемые всеми традиционными религиями без исключения, как-то: патриотизм, нравственность, самосовершенствование, творчество и др. аксиологические императивы. Для религий, сосуществующих на протяжении многих лет в одном социокультурном пространстве поиск таких категорий не представляет каких-либо затруднений.

Общеизвестно, что, сосуществуя, различные религиозные традиции испытывают не только взаимовлияние, но и взаимопроникновение как обрядов и традиций, так и ключевых идей. Например, на пространстве Евразии столетиями происходит взаимообмен христианской, мусульманской, буддистской, иудейской культур, а также анахронизмов политеистических верований автохтонных народов.

Согласимся в этой связи с Ж. С. Сыздыковой (МГУ им. М. Ломоносова), которая, разбирая идеи Л.Н. Гумилёва, подчёркивает «наличие суперэтнической целостности народов евразийского пространства, которых... объединяет взаимная комплиментарность, то есть взаимодополнение культур, существующая, несмотря на кое-какие различия в их быте и поведении. На основе исторических и биосферных предпосылок у народов Евразии сложились общее мировоззрение, общности идеалов в обустройстве социальной жизни, особое и неповторимое единство в чувстве духовности» [5, с. 162].

Выводы

Складывающаяся негативная экономическая обстановка в мире оказывает существенное влияние на стабильность внутри постсоветских стран. Падение уровня достатка населения выступает ключевым фактором, катализирующим возникновение социальной напряжённости. Как правило, она канализируется в конфликтах, один из наиболее вероятных из которых в поликонфессиональном обществе – межрелигиозный.

Его предупреждение и разрешение (в случае возникновения) зависит от способности как лидеров, так и прихожан противостоящих конфессий вести межрелигиозный диалог. Многонациональный народ, проживающий в одном государстве, имеет все основания как для его выстраивания, так и для сосуществования в толерантном обществе. Этому же способствует сформировавшаяся в результате взаимообогащения культур единая евразийская ментальность. Взаимодействие ответственных конфессий, их сотрудничество во имя мира представляет собой важную составляющую формирования единого культурно-исторического пространства как уникального цивилизационного феномена, обеспечивающего межрелигиозные коммуникации.

Перечень использованных источников

1. Петухов В. В. Кризис и динамика социальных настроений / В. В. Петухов // Мир России. – 2010. – № 1. – С. 45-66.
2. Силаева З. В. Концептуально-методологические основы междисциплинарного анализа понятия «Религиозный конфликт» / З. В. Силаева // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – №3. – С. 232-234.
3. Романова Е. В. Особенности коммуникативного взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций / Е. В. Романова // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – №4-4. – С. 304-306.
4. Громова А. В. Межконфессиональное взаимодействие на территории России: тенденции и противоречия / А. В. Громова // Известия ВолгГТУ. – 2014. – №16 (143). – С. 114-117.
5. Сыздыкова Ж. С. Евразийский союз: к будущему с учетом прошлого / Ж. С. Сыздыкова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №10. – С. 161-164.

© К. Г. Соколовский

The possibilities of interfaith cooperation in the context of the economic transit of the state

Sokolovskiy Konstantin

Independent Research Center, expert, PhD in Law Science, Kazakhstan

Abstract. The crisis in the world politics and economy significantly affects the socio-political situation in the post-Soviet countries. During this period, internal conflicts use to exacerbate, and the most difficult among them for time-solutions – are confessional. The article describes the features of interactions between denominations, as well as potential "points of attraction" that could become a basis for inter-religious dialogue.

Keywords: interfaith interaction, economic transit, inter-religious communication, dialogue, socio-cultural space.

© К. Sokolovskiy